

Горячее сердце

написано Movladi ABDUOLAEV | 26.01.2011

Магомед-Салах Гадаев (1909-1973)

В декабре 2009 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося сына чеченского народа, поэта, писателя, драматурга, ученого и мыслителя Магомед-Салаха Гадаева.

В 30-60-е годы широко известное и с уважением произносимое имя, сегодня, к сожалению, знакомо только узкому кругу наших современников. Магомед-Салах Гадаев, по рассказам людей, хорошо знавших его, был человеком бесстрашного и безоглядного характера, человеком, не терпящим проявления несправедливости, лжи, оскорбительного отношения к себе и к своему народу. Поэтому и сложилась так трагически его судьба. Испытаний, отнимавших время, силы, здоровье, на долю Магомед-Салаха

выпало сверх меры.

Он пришел в мир с прекрасными мыслями и надеждами, с мечтой жить и творить для людей. Его планы были смелы и заманчивы. Но из шестидесяти трех лет, отпущенных ему судьбой, тридцать по воле рока он проведет в тюрьмах и лагерях. И все, что удастся ему написать, будет написано в советских острогах. Жизнь Гадаева напоминает историю итальянского философа, поэта и политического деятеля Томмазо Кампанеллы, который за годы своего длительного пребывания в разных тюрьмах создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе свое знаменитое произведение "Город Солнца". Кому-то трагическая участь Гадаева может показаться схожей с судьбой Николая Гавриловича Чернышевского, публициста, литературного критика и писателя, из активной жизни которого были вычеркнуты целых 27 лет! Тем не менее, находясь в крепости и в ссылках, он напишет работы по философии, социологии, политэкономии, этике и эстетике. Этим людям, живших в разное время, объединяло служение народу, страдания за убеждения.

Те, кто знали Гадаева, рассказывают, что он был соткан из самых разных противоречий: взрывной и мудрый, слабый и сильный, суровый и добрый, гордый и мягкий. И настолько щедрый, что готов был отдать последний кусок. Несмотря на незавидное положение в обществе, он шел по жизни открыто и раскованно, никогда не опуская голову. Был независим, честен и открыт со всеми.

Родился Магомед-Салах Гадаев в с.Чурч-Ирзе в 1909 году. В 1913 году Гадаевы переехали в с.Герзель-аул, где Магомед-Салах закончил семилетку и был направлен на учебу в г. Ростов-на-Дону на рабочий факультет (рабфак), где находились в 20-30-е годы XX века все руководящие органы Северо-Кавказского края: крайком ВКП(б), крайисполком и другие. Литературную и научную деятельность М.-С. Гадаев начал еще будучи студентом рабфака. Одаренный разносторонними талантами, он работал очень плодотворно. Уже в 30-40-е годы XX века им были написаны и опубликованы в периодике романы "Два человека" и "Ночной

всадник”, повести – “Невестка”, “Грузин” и “Дикость”, рассказы – “Хазман”, “Друзья” и другие произведения.

После окончания рабфака способного выпускника оставляют на работе в аппарате крайисполкома. Некоторое время спустя М.- С. Гадаев все же возвращается в Чечню, где работает директором школы, ответственным секретарем Ножай-Юртовского райисполкома, начальником районного земельного отдела, научным сотрудником Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, занимается фольклорными и космологическими исследованиями. Но поработать над ними Магомед-Салаху Гадаеву пришлось недолго: в начале сороковых годов XX века, когда был пик истребления сталинским режимом мыслящих людей, М.-С. Гадаева арестовали по стандартному в те годы обвинению в антисоветской агитации и участии в организации национал-троцкистского толка. Он был осужден на долгие пятнадцать лет и мыкался по тюрьмам и пересылкам, пока не был оправдан и освобожден “за отсутствием состава преступления”.

Перед ним даже не извинились за отнятые годы и здоровье, которое было подорвано изрядно. В лагере, где жизнь была невероятно трудной и жестокой, Гадаев находил возможность заниматься творчеством и научными исследованиями. Заключение, ценившие его талант и прозвавшие “Академиком”, готовы были помочь ему в любом деле. В длинном бараке, где летом трудно было дышать, а зимой, в сильные морозы, зуб на зуб не попадал, находился уголок “Академика”. Между стеной и двухъярусной кроватью стоял сколоченный из досок небольшой столик, который смастерил сам Магомед-Салах. Над столом и кроватью висели портреты его любимых поэтов: великого Шота Руставели, дагестанского ашуга и сказителя Гамзата Цадасы и знаменитого поэта и философа Востока Абдуррахмана Джамии. В этом углу и проводил Гадаев все свое свободное время. Здесь он создавал художественные произведения, здесь работал над научными открытиями.

К тому же Магомед был не из робких. Всегда требовательный к себе и окружающим, он редко улыбался и выглядел суровым. В

лагере не давал в обиду ни себя, ни своих друзей. Все знали, что срок “Академик” получил, не совершив никакого преступления, и поэтому лагерное начальство, в виде исключения, разрешало ему писать и даже отправлять на волю многое из написанного.

Гадаев верил, что его многочисленные литературные и научные труды встретят должное внимание со стороны специалистов, и работал усердно сразу по нескольким направлениям. В научных кругах ходили слухи, что официальная власть намеренно изолировала талантливого ученого, лишив его возможности заниматься исследованиями, поскольку опасалась, что обладающий выдающимися способностями представитель “неблагонадежного” народа способен работать в интересах не только отечественной, но и мировой науки.

“Могу сказать, что “личное” стоит у меня где-то далеко позади. На первом плане стоит работа, которой отдаются все мои силы, начиная с 1947 года, и которой они будут отдаваться до конца моих дней, в каких бы условиях я ни находился (в худших ли, в лучших). “Личное” существует для меня лишь постольку, поскольку оно необходимо для продолжения этой работы”, – писал Магомед-Салах своему другу Хабибулле в Махачкалу.

Еще в годы учебы в Ростове Гадаев страстно увлекся космогоническими гипотезами Канта и Лапласа и не утратил к ним интереса до конца жизни. Это было отнюдь не праздное любопытство. Молодого ученого серьезно занимало не что иное, как рождение и гибель миров, радиоактивный распад атомов.

В 1947-1952 годах Магомед-Салах Гадаев совместно с физиком Самадом Баймурадовым сделал свое первое научное исследование “Картина мира”. Работа заключенного, а затем – спецпереселенца, естественно, не была опубликована. Летом 1952 года это исследование направили главе государства и в Академии наук шести республик. Молодые исследователи надеялись, что оригинальные идеи заинтересуют специалистов. На деле вышло иначе. Предложенная концепция не нашла должного понимания в

научном мире и была отвергнута, а некоторыми даже встречена в штыки. Маститых профессоров шокировала смелость теоретических построений, фантастичность гипотез и дерзость научных выводов. Это “чисто умозрительное построение натурфилософского характера”, – небрежно отозвались они об открытии молодых максималистов.

Однако непризнание со стороны видных ученых не смутило Гадаева и он продолжил начатую работу. Заключалась она в следующем: Гадаев и его соавтор сделали расчеты процесса радиоактивного распада атомов в ходе рождения и гибели миров, исходя из материалистической диалектики. Таким образом, ученые-самородки пришли к выводу, что космические тела рождаются в виде сгустков раскаленного газа, остывают до определенной температуры, а затем вновь разогреваются, воспламеняются и рассеиваются в мировом пространстве. Таким образом, опровергались прежние теории развития материи. В своей теории Гадаев и Баймурадов весь процесс разделили на четыре фазы: дотепловую, тепловую, химическую и радиоактивную. Спроецировав эту гипотезу на основные положения науки о развитии человеческого общества, они с помощью диалектико-материалистического метода исследования создали новое учение и назвали свой труд “Картиной мира”. Осмыслить и обобщить, привести в стройную систему данные естественных наук было для них такой же важнейшей задачей, как и использование достижений общественных наук для создания законченной теории развития общества. К сожалению, положения и выводы теоретических исследований одаренных молодых ученых были достаточно уязвимы в силу объективных причин. У них не было никаких условий для работы: ни научной аппаратуры, ни лабораторий, ни ассистентов, ни даже соответствующей литературы. К тому же часто камнем преткновения для Гадаева становилось клеймо “спецпереселенец”. Но он верил в торжество справедливости и поэтому, не дожидаясь широкого признания, добивался решения конкретных задач.

Обращаясь к академику В. Г. Фесенкову, Гадаев просил его помочь в скорейшей математической разработке их идей, с

помощью которых, как он считал, за короткий срок может быть создана теория зарождения и гибели космических тел. На письмо молодых ученых откликнулись из научных центров трех республик. Академик В. А. Амбарцумян поддержал авторов: “Ваши рассуждения более грамотны, чем многочисленные письма и рукописи других любителей, которые с избытком приходят ко мне из различных мест...”.

“Вы высказываете ряд интересных мыслей, но точные науки требуют их математического доказательства”, – писала ученый секретарь Академии наук Туркменской ССР Л. С. Орлова.

“В течение месяца ваш научный труд «Картина мира» будет выставлен в библиотеке обсерватории, а затем сдан в архив”, – писали из Бюраканской астрофизической обсерватории Армении.

Гадаев все еще не понимал, что камнем преткновения является не отсутствие математических расчетов, а его статус осужденного и принадлежность к “крамольной” нации. И потому он не догадывался, что сражается с ветряными мельницами, когда бросался доказывать свою правоту ученым мужам.

Он ставил перед собой новые научные вопросы и искал на них ответы. Его интересовало все: принцип существования космических тел, вещество звезд, что представляет собой сила, способная раскалить ядро галактики, за счет чего возникает вращательное движение, почему галактики имеют дискообразную форму, какова роль радиоактивного распада или энергии в эволюции звездной материи?

Вопросы были дерзкие и по своей сути и по масштабам. На все эти вопросы у Гадаева были свои ответы, гипотезы, объяснения. Кроме научной работы “Картина мира” М.-С. Гадаевым были написаны и другие не менее интересные и значительные научные труды. Такие, например, как: “Изменение в качественных процессах порождения вещества”, “Программа классификации и анализа звезд”, “Спектор-химическая плотность” и другие.

Многие известные в СССР ученые-астрофизики и теоретики-химики

считались с научными выводами чеченского ученого-самоучки. После освобождения Гадаев приехал в Киргизию, где жила его депортированная в 1944 году семья, а в 1957 году вернулся в родные края. Он начинает отовсюду собирать разбросанные, затерянные материалы, которые высылал по разным адресам из мест заключения. Часто выступает на страницах газет и по радио. Готовит к изданию учебник чеченского языка и несколько своих поэтических сборников. В республиканской газете “Ленинан некъ” печатается с продолжением его поэма “Ночной всадник”.

Авторитет и популярность Гадаева растут с каждым днем. Но именно это и беспокоит завистников Гадаева и внимательно наблюдавших за каждым шагом поднадзорного поэта сотрудников КГБ. “Иногда я грешу мыслью, что этот заговор против меня носил гораздо более широкий характер”, – писал Гадаев, бессильный что-либо изменить в своей судьбе, над которой довлел чудовищный рок. Чекисты, зная силу его поэтического дара, опасались влияния Магомед-Салаха на пишущую братию, а больше всего на народ. Эта активность органов ничего хорошего не предвещала человеку, который отсидел в заключении лучшие годы своей жизни по самой тяжелой 58-й статье.

Но как бы он ни был осторожен, ему не удалось избежать худшего. За день до ареста, выступая на заседании только что созданного Союза писателей Чечено-Ингушетии, Гадаев говорил, будто внушал коллегам то, от чего сам хотел уберечься: “Теперь мы у себя дома. Когда мы жили вдали от родины, чем бы мы там ни занимались, нас никто не мог упрекнуть. Но теперь мы должны во всех делах быть помощниками нашему народу. Писатель несет большую ответственность перед народом. В этом деле спешка неуместна. Выдержка, выдержка и еще раз выдержка, говорили наши отцы. Этого никогда нельзя забывать”.

А на следующий день выдержка и хладнокровие покинули его самого. Когда провокатор демонстративно и намеренно оскорбил чеченский народ, Гадаев ударил его ножом. Поэта вновь арестовали. Теперь уже за убийство. Зная, что вспыльчив, Гадаев старался контролировать поступки, сдерживать вспышки

гнева, но после стольких лет испытаний не составило труда вывести его из терпения, и он потерял контроль над собой.

На следующий день после его ареста газета “Ленинан некъ” вышла без продолжения поэмы “Ночной всадник”, которая так и осталась недописанной. Обстановка в Чечне в том же 1957 году, как и в последующие годы, продолжала оставаться напряженной. Недовольные возвращением чеченцев на родину некоторые шовинистически настроенные руководители республики разжигали античеченские настроения, пытались столкнуть народы. Они хотели доказать, что вайнахи народ неуживчивый, злобный, враждебно настроенный, что их справедливо выслали, зря вернули домой, и пусть бы они остались жить в казахстанских степях. За малейшую провинность чеченца привлекали к уголовной ответственности и давали срок до 10-15 лет. Возвращенца могли оскорбить, унижить, но не дай Бог, если он отвечал на обиду. Его тут же сажали в тюрьму, по меньшей мере, за хулиганство.

Страсти накалялись и в августе 1958 года ситуация вышла из-под контроля. Пьяная толпа, подстрекаемая шовинистически настроенными элементами, вышла на улицы города с требованием выселить чеченцев и ингушей обратно в Среднюю Азию. Участники этой хулиганской акции начали штурмовать и громить здание Обкома КПСС. Были захвачены железнодорожный вокзал, главпочтамт, Из рупоров, установленных на крыше здания Обкома, неслись злобные крики митингующих. Постепенно требование вновь выселить чеченцев сменилось критикой власти и особенно Н. С. Хрущева, отменившего преступный сталинский указ. Расчет делался на то, что удастся спровоцировать чеченцев на конфликт. Но мудрость Председателя Совета Министров республики Муслима Гайрбекова, представителей вайнахской интеллигенции и авторитетных старейшин, выступивших с призывом сохранять спокойствие и достоинство, не дала втянуть чеченцев и ингушей в конфронтацию с митингующей толпой.

Через трое суток в город вошли части Закавказского военного округа. Был введен комендантский час. Подстрекатели беспорядков понесли заслуженное наказание. Все это происходило

спустя год после ареста Гадаева. В 1957 году чеченцы негласно еще оставались “бандитами” и “врагами народа”. Проступок Гадаева всем недоброжелателям оказался на руку, его подняли на щит, будто Магомед-Салах действовал, выражая настроение всего народа.

Суд приговорил Гадаева к высшей мере наказания – расстрелу. Когда подсудимому дали последнее слово, он не стал просить о помиловании. Гадаев глубоко переживал случившееся, хотя и не мог забыть оскорбления, брошенного в адрес его народа. Для чеченского народа, национальной культуры и литературы гибель Магомед-Салаха стала бы огромной потерей. Это осознавала и сочувствовавшая Гадаеву интеллигенция. Председатель Правления Союза писателей республики Саидбей Арсанов вступился за коллегу. Он доказывал на официальном уровне, какую значимую роль в чеченской литературе играет этот человек. Арсанов просил суд заменить расстрел любым сроком заключения. Гадаеву дали 25 лет. Потом в соответствии с новым уголовным кодексом заменили на 15 лет. Вновь началась лагерная жизнь.

Но не столько факт заключения угнетал его. Суд совести был для него самой страшной казнью. “Мы видим жизнь в лицо, но познаем только в спину”, – писал он из лагеря, словно извиняясь перед друзьями и коллегами. Изоляция от общества не мешала Гадаеву чувствовать пульс жизни, замечать, как под прессом партийной пропаганды, навязывания чуждой системы ценностей уходят в небытие прекрасные обычаи его предков.

В годы Советской власти целенаправленно, по указке “сверху” уничтожались веками складывавшиеся народные обычаи. Особенно активное наступление на национальный уклад под лозунгами борьбы с пережитками прошлого началось во второй половине шестидесятых годов. Гадаев болезненно реагировал на варварское искоренение духовности, культуры, созданной многими поколениями.

“Вольно или невольно способствуя исчезновению народных традиций, мы способствуем вымиранию народа, хотя люди и

продолжают жить, хотя и остается форма одежды бурка и черкеска, писал поэт, не отсюда ли причины появления в людях многих недостойных черт? Отсутствие порядочности, уважения старости, неповиновение родителям?..”.

Он был сродни по духу таким советским писателям, как Василий Шукшин, Валентин Распутин, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев... Но трагедия Гадаева-писателя была в том, что он жил в другую эпоху и заболел проблемами века гораздо раньше этой блестящей плеяды советских классиков. Патриот своего народа, Гадаев переживал за всё, что происходило. Не было проблемы, связанной с жизнью и обычаями чеченцев, которая бы осталась без его внимания. Он призывал воспретить разрушать устои вайнахской семьи средствами массовой информации. Семейные отношения в чеченском обществе, считал он, – сфера неприкосновенная. Родители для детей, как велось испокон века, должны оставаться авторитетами. Дети должны уважать и почитать родителей, беспрекословно выполнять указания старших. Постоянные нападки на традиции, публичное шельмование старцев, требовавших следовать народному закону – адату, возмущали поэта. Так он стал публицистом.

Глубоко переживая происходящее, он еще в 1960-е годы пытался обратить внимание общества на те нравственные проблемы, которые в 1980-х годах вырастут в настоящее национальное бедствие для народов СССР. О них заговорят в своих статьях Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев...

“У нас больше, чем где-либо, нарушают указания партии о культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию. И налицо неизбежный результат – крайнее оскудение духовной жизни аула. Этим горе-просветителям и невдомек, что новая социалистическая культура примется в данной нации только в случае, если ее “привить” к основам ее исконной традиционной культуры. Если включить все основы народной этики в разряд “пережитков прошлого”, то новой культуре некуда пустить корни. А без корней нет и листьев. Без корней, сказал кто-то из публицистов, “маки и тюльпаны не цветут”...

Не на ровном месте рождается новое, а в “утробе” старого, с родимыми пятнами прошлого...”. Тот, кто берется переводить стихи Гадаева на русский язык, знает, сколь непроста эта задача. В совершенстве владея чеченским литературным языком, поэт использовал редкие забытые образы и слова, которые имеют одновременно несколько значений. К сожалению, только писатели старшего поколения (Халид Ошаев, Магомед Мамакаев, Абдул-Хамид Хамидов и, конечно, Магомед-Салах Гадаев) использовали все богатство родного языка, стараясь сберечь и передать его красоту в своих произведениях. Но как мало появилось на русском языке произведений Гадаева!

Не было литературного жанра, в котором не работал бы Гадаев. Его пьеса “Сурхо – сын Ади” долгие годы с неослабевающим успехом шла на сцене Республиканского театра имени Ханпаши Нурадилова. К сожалению, во время депортации текст пьесы затерялся. Но те, кому довелось в свое время посмотреть спектакль, вспоминают, что это была героическая драма на историческую тему, написанная ярким поэтическим языком.

В творческом наследии Гадаева было несколько пьес, но до нас, к сожалению, дошла только одна – “Яд тещи”. (Любопытен факт, что драматург участвовал в спектакле по этой пьесе в качестве актера).

Видное место в творчестве писателя занимает книга “Кровная месть и прощение кровника”, в которую вошли исторические и детские рассказы, сказки, басни и притчи. Автор двух романов, нескольких повестей, множества рассказов, написанных полвека назад, до сих пор остается актуальным, интересным современному читателю. Известно, что в лагере Гадаев работал над большим историческим романом. Можно предположить, это было произведение большой общественно-политической значимости, подобно роману Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, потому и осталось похороненным в архивах ГУЛАГа.

Гений Гадаева не признавал ограничений ни в творчестве, ни в науке. Он был лириком и физиком, поэтом и литературоведом. Ему

принадлежит создание теории вайнахского стихосложения. В конце шестидесятых годов он присылает из заключения поэтические произведения, в которых предпринимает попытку преодолеть силлабическую основу вайнахского стиха и утверждает, что чеченская поэзия должна перейти от силлабической формы к монической. В его творчестве впервые появляется “диалогическое” расположение стихотворений. Как человек профессионально владеющий словом, Гадаев не мог не обратить внимания на состояние письменной речи.

Работая над совершенствованием чеченского алфавита, который на государственном уровне трижды подвергался коренному изменению (последний раз на основе кириллицы), поэт считал необходимым “облегчить” его. Труд “К вопросу о правописании чеченского языка” был подготовлен им в лагере и направлен в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка и литературы. Гадаев предлагал переработанный вариант орфографии и морфологии, облегчающий восприятие и усвоение текста. К этой работе он возвращался неоднократно, писал о ней во многих письмах. Кроме того, подготовил учебник для чтения в третьем классе начальной школы. По понятным причинам, книга под авторством Гадаева так и не вышла, хотя его разработки и были использованы на практике.

При жизни была издана одна единственная поэтическая книжка М.-С.Гадаева “Стихи” в 1940 году. Подготовленные им к печати книги стихов и поэм “Горячее сердце”, “Лирика любви”, “Последняя любовь”, “Партизаны”, “Рассказ чинара” и другие так и не были изданы по известным причинам. Только почти двадцать лет спустя, после смерти писателя, в 1990 году была издана вторая книга М.-С.Гадаева “Ночной всадник”, куда вошли некоторые стихи поэта, отрывки из семи поэм и несколько рассказов. Большая подборка его стихов вошла в 2003 году в фундаментальную “Антологию чеченской поэзии”.

Всегда главными темами творчества Магомед-Салаха Гадаева оставались Родина, любовь, неповторимая природа горного края, которую он хорошо знал и любил с детских лет. Многие его

произведения так и называются: “Мечта о Родине”, “Красный обрыв”, “Осенний цветок”, “Земля отцов”, “Картины Родины”, “Чинар на хребте”, “Рассказ чинара” и т.д. И писал он о Родине и ее природе с такой пронзительной болью и грустью, такими нежными, берущими за душу словами, с таким лирическим вдохновением и стилистическим совершенством, как умел только он один, непревзойденный мастер и знаток языка.

К сожалению, переводы не передают в полной мере всей прелести, легкости, изящности его почерка, всей глубины и яркости образа. Также мало изучена и поэтому почти неизвестна просветительская и переводческая деятельность Магомед-Салаха Гадаева. А ведь она заслуживает этого. Еще в 1942 году он в соавторстве с известным уже в те годы ученым-языковедом и просветителем Сираждином Эльмурзаевым составил хрестоматию для средней школы “Литература на родном языке”. Она интересна тем, что в ней сделана попытка дать школьникам представление о художественности, о том, что такое поэзия. Там же разъясняется понятие жанра и что такое стихотворная речь, учащиеся знакомятся с такими понятиями, как ритм, рифма, стопа и т.д.”. Поэтому этот учебник долгие годы оставался лучшим среди подобных изданий.

В 1957 году Гадаев подготовил для учащихся третьего класса “Книгу для чтения”, считавшуюся лучшей в те годы. Он в соавторстве с известным исследователем чеченского языка М.Чентиевой создал в конце пятидесятых годов “Словарь правописания чеченского языка”, который, к сожалению, так и не был издан.

Немало сделал Магомед-Салах Гадаев и для знакомства чеченских читателей с произведениями классиков русской, украинской и других литератур народов бывшего Советского Союза. Он мастерски, так как прекрасно знал не только чеченский, но и русский язык, перевел стихи и поэмы А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова (в частности, его эпическую поэму “Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова” и “Мцыри”), Н.А.Некрасова, роман А.Фадеева

“Разгром”, поэму Т.Г Шевченко “Думы”, рассказы Л.Н.Толстого и отрывки из романа “Война и мир”, бессмертные шедевры А.П.Чехова и другие. И все они были великолепны, точны, чудесны, как и собственные его произведения, потому что он вкладывал в переводы не только свое мастерство и вдохновение, но и душу свою.

В 1972 году в возрасте 63 лет Гадаев вернулся домой. Наконец у него появилась возможность собрать и издать все свои произведения. Заставив себя забыть об окончательно подорванном здоровье, поэт исступленно берется за работу. Он готовит сборники: “Исповедь”, “Последняя любовь”, “Разговор с чинарой”, “Горячее сердце”, “Любовная лирика”, “Партизаны”, “Ночной всадник” и другие. Но издать их под своей фамилией опальный поэт не мог. Решено было выпустить сборники под псевдонимом. Но замыслам не суждено было сбыться – спустя несколько месяцев, в 1973 году, сердце поэта перестало биться.

Выдающегося поэта, писателя, философа, ученого не удостоили не только некролога в республиканской газете, но и простого сообщения о смерти, потому что он был опальным чеченцем. Официальная власть продолжала бояться Гадаева даже после его смерти. Пройдет целых пятнадцать лет после смерти поэта, прежде чем появится в печати его первый сборник стихов.

Лично для себя поэт хотел так мало: мечтал быть похороненным там, где родился, и чтобы на его могиле поставили небольшую “каменную отметину”, куда бы могли приходиться друзья “весной и осенью, без злобы в сердце друг к другу”.

Мечта Гадаева сбылась: у селения Чурч-Ирзе стоит простой, но очень выразительный надгробный памятник-чурт этому выдающемуся человеку.

А эпитафией могли бы стать слова самого поэта и мыслителя:

Простятся ли мои грехи?

Поймут ли меня люди?

Для них, сгибаясь от тоски,
Влачил я бремя буден.
Свою нужду откинув прочь,
Раздал по горстке света –
Мне так хотелось всем помочь!..
Зачтется ли мне это? *

Как ни старалась тоталитарная система предать забвению имя Гадаева, это оказалось ей не под силу – имя Магомед-Салаха Гадаева навсегда осталось в памяти чеченского народа.

Подготовил Муслим Гапуев

*- перевод М. Гешаева.

Использовались материалы: Очерк Мусы Гешаева о М.-С. Гадаеве из второй части книги «Знаменитые чеченцы»; очерк Адиза Кусаева «Магомед-Салах Гадаев» из книги «Писатели Чечни»; воспоминания заслуженного артиста ЧИАССР Имрана Усманова.